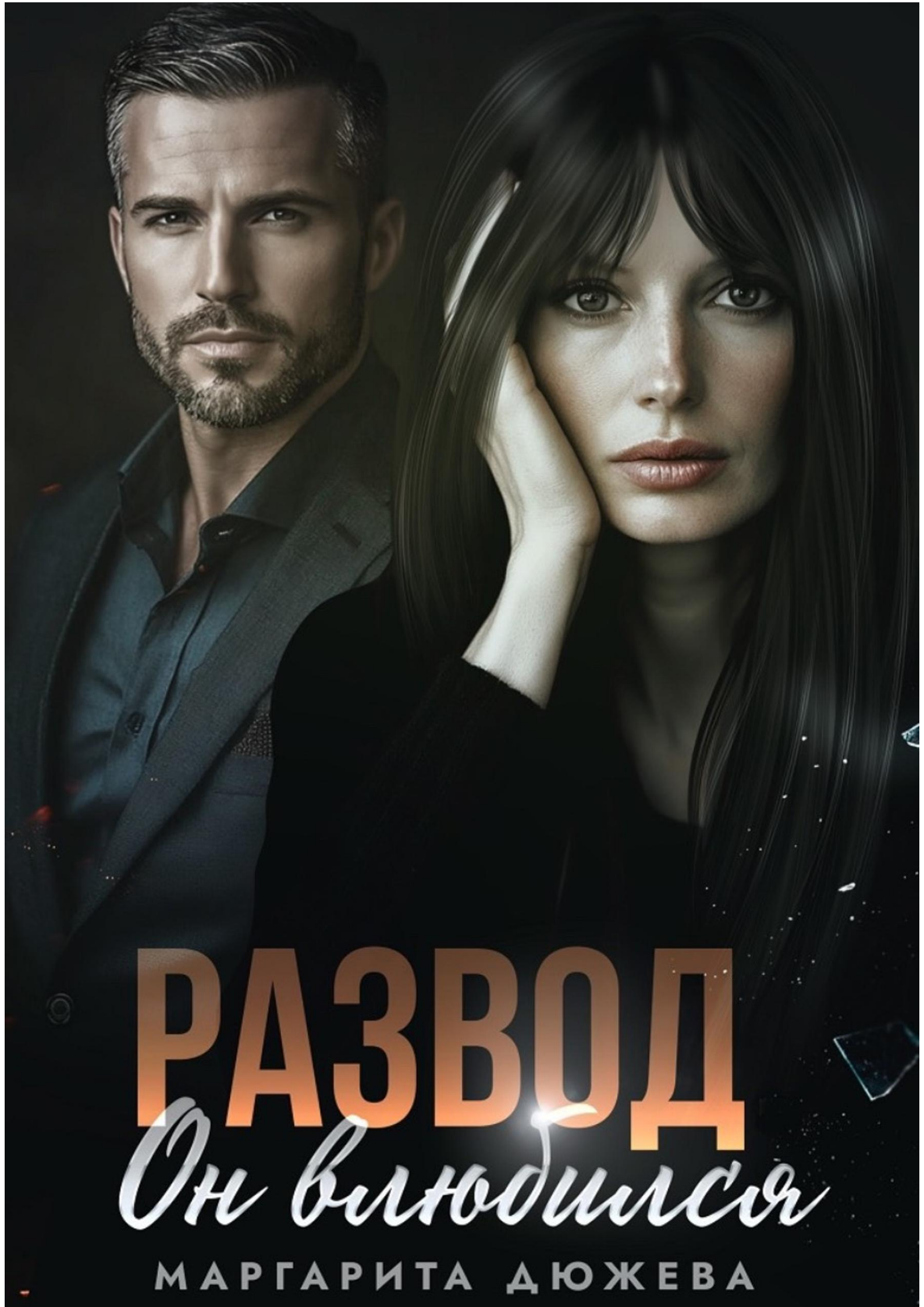

РАЗВОД
Он влюбился
МАРГАРИТА ДЮЖЕВА

Маргарита Дюжева

Развод. Он влюбился

«Автор»
2026

Дюжева М.

Развод. Он влюбился / М. Дюжева — «Автор», 2026

— Да пойми ты! Я влюбился! У меня чувства настоящие! — произносит муж, не понимая, какую боль причиняет своими словами.— А ко мне, значит, были искусственные?— И к тебе настоящие. Были! Но столько лет прошло Мы давно уже просто плывем по течению. Я был уверен, что вот это, — широким жестом обводит дом, — мой предел, но теперь теперь я ожил!Он ожил, а я умирала. Разве это справедливо?— А как же дочь? Ты о ней подумал, когда обнимал ее подругу? Представляешь, каково ей? Знать, что любимый отец предал?Он смутился, а потом твердо сказал:— Дети имеют свойство вырастать. Только дурак будет ради них отказываться от своей любви. Когда-нибудь она меня поймет.

© Дюжева М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 25
Глава 5 32
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Маргарита Дюжева
Развод. Он влюбился

Глава 1

Стас вернулся с работы раньше обычного.

— А Дашка где? — спросил он.

— На пляже.

— Уже усвистала, — проворчал муж, усаживаясь за стол, — Нет бы отца дождаться, встретить, пообщаться. Сказать: «Папочка, как я соскучилась. Прям сил никаких нет, дай обниму…»

— Не ворчи. Дай человеку отдохнуть. Она сессию на отлично сдала, в поезде почти сутки тряслась.

— Да-да, почти полгода не виделись – и сразу на пляж. В воде же интереснее, чем с родным отцом …

Соскучился.

Я невольно улыбнулась. Дашка всегда была папкиной дочкой, любимой девочкой-принцессой, которую он катал на спине и плел бездарнейшие, кривые, но такие милые косички. Сидел с ней, когда болела, читал перед сном книги.

Теперь принцесса выросла. Сама поступила в один из самых престижных вузов столицы и приезжала только на каникулы. На неделю зимой и на месяц-полтора летом.

Мало. А что поделаешь? Дети взрослеют, у них своя жизнь, и родителям остается лишь радоваться вот таким приездам.

— Никуда она от тебя не денется.

— Да уж надеюсь. Во сколько придет?

— Стас, ей не десять лет, чтобы к восьми часам быть дома.

— Да знаю я, — вздохнул муж, — соскучился просто… Кстати, тебе не кажется, что дети слишком быстро растут? Я же вот только недавно учил ее кататься на велосипеде, а сейчас уже мадам.

— Между прочим, мадмуазель, — вспомнилась расхожая фраза, — но ты прав. Быстро. Недавно в первый класс вели, а теперь уже студентка. Сессии, кавалеры…

— Так! Стоп! Не порть мне аппетит!

— Что такого я сказала?

— Никаких кавалеров! Она еще маленькая о таких глупостях думать.

— Ты же сам только что сказал, что девочка выросла, — с улыбкой напомнила я.

— Это другое!

— Да-да, другое.

— Ноги поотрываю, если узнаю, что какой-то хрен к ней подкатывает. — Он грозно раздувал ноздри, а я всеми силами старалась не рассмеяться. Такой сердитый, прямо куда деваться.

— Она уже на третьем курсе. Вернее, на четвертом.

— Не уже! А еще!

— Ладно, не пенься, я уже поняла, что ты самый ревнивый отец на свете.

— Не ревнивый, а сознательный. Для меня она всегда будет малышкой. Я вот вижу девчонок ее возраста, и они все мне кажутся несмышлеными кнопками. Ну какие кавалеры? Им еще в куклы играть надо, а не вот это вот все. Куда только родители смотрят.

Я предпочла не продолжать эту тему. Если Станислав узнает, что у Дашки появился парень, – у него инфаркт будет. А мне муж нужен здоровым, бодрым и радостным.

— С кем хоть на пляж ускакала?

— С Мариной. — И, видя непонимание в его глазах, добавила: — Она же предупреждала, что приедет с подругой.

— Точно. — Он досадливо поморщился. — Вот только подруг нам тут и не хватало.

— Не ворчи. Девочки дружат. Дашка мне все уши про нее прожужжала. И умница, и красавица, и веселая, и надежная. Погостит у нас недельку и уедет.

— То есть неделю дочери будет не до родителей?

— Смирись, муж, — я сочувственно потрепала его по темной, едва тронутой серебром макушке, — это будет очень непростая неделя.

— А если серьезно, зачем надо было тащить с собой посторонних? — не унимался он. — Неужели им мало совместного времяпрепровождения в течение семестра?

— Ты ее даже не заметишь. Девчонки всю неделю в гостевом доме будут.

Спустя полчаса небо заволокло тучами и начался проливной дождь. И буквально минут через десять у ворот раздался звонкий смех.

Выглянув в окно, я увидела Дашу и Марину.

Они уже никуда не торопились. Шли босиком, задорно шлепая прямо по лужам, в руках несли обувь. Дочь была в шортах, натянутых прямо поверх купальника, а ее подруга обмотала голубое парео вокруг бедер. С распущенными темными длинными, до поясницы, волосами она была похожа на русалку. Рыженькая Даша на ее фоне выглядела как светлячок.

Очень разные. И надо же, подружились. Весь третий курс – не разлей вода. Каждый раз, когда звонила дочь, мне приходилось выслушивать тонны историй о том, какая Маринка замечательная, как им весело, как они учатся, развлекаются и вообще постоянно вместе. Что и немудрено, учитывая совместно проживание с одной комнате студенческого общежития. Здорово, если их дружба продержится всю жизнь, как у меня с институтскими подругами. Столько лет прошло, а мы до сих пор друг другу как родные.

Когда Дашка позвонила и сказала, что хотела бы пригласить Марину к нам в гости, я не увидела повода для отказа. Дом у нас большой, даже два, если считать гостевой. Места хватит всем. Пусть отдыхают.

Я вышла на крыльцо и, облокотившись на перилла, наблюдала за тем, как они, увлеченно о чем-то болтая, подходят ближе. Почти тут же ко мне присоединился муж:

— Промокли?

— А сам как думаешь? — кивнула на небо, с которого хлестало.

Тут Дашка заметила отца и воплем: «Папа!» — бросилась к нам.

Взлетела на крыльцо и с размаха врезалась в отцовские объятия.

— Я так соскучилась.

— Я тоже, — муж улыбался, как довольный сытый кот, — как дорога?

— Ужасно, — простонала дочь, — какой-то дедан всю дорогу храпел так, что окна в вагоне тряслись. Марина не даст соврать. Кстати, знакомься. Это моя лучшая подруга Марина.

Наша гостья подошла ближе, поднялась по ступеням и с робкой улыбкой в голосе произнесла:

— Дядя Леша, здравствуйте. Рада познакомиться. Марина много про вас рассказывала. — И протянула ему подрагивающую ладошку.

Кажется, обращение «дядя Леша» мужу не очень понравилось. Он нахмурился, мимолетно коснулся руки, на миг замер, а потом удивленно сказал:

— Холодная.

— Замерзла, что ли? — тут же отреагировала Дашка.

— Безумно, — шепотом ответила Марина, поджимая пальчики босых ног.

Она и правда вся была в мурашках. Они стелились по ее рукам и загорелому плоскому животу. Парео облепило подрагивающие бедра, а сквозь сырую ткань купальника отчетливо проступала грудь, выдавая свою замерзшую хозяйку с головой. Пухлые, но бледные губы заметно дрожали, и мне даже показалось, что слышу перестук зубов.

— Фу, мерзлячка, — рассмеялась дочь.

— Идите, переодевайтесь, а я пока накрою на стол и заварю свой фирменный чай. — Я отправила их в гостевой дом, а сама шагнула к дверям. — Стас, ты идешь?

Муж как-то рассеянно кивнул и, ни слова не сказав, пошел за мной.

Девочки пришли через полчаса. Уже переодевшиеся, свежие, румяные. Сухие! Дашка, как всегда, в джинсах и широкой цветастой футболке, а Марина в нежном платье светло-бежевого цвета, практически совпадающего с тоном кожи. Издалека вообще почудилось, что девушка голая! И только когда она подошла ближе, мне удалось рассмотреть белые ненавязчивые цветы на льняном полотне.

— Согрелась? — спросила я у нее, пряча улыбку.

Причудится же… голая… кому скажи – засмеют.

— Да, тетя Лена.

— Идемте к столу. Все готово.

Мне, если честно, тоже не очень нравилось быть «тетей». Такое чувство, что одной фразой сразу десяток лет накинули. Но заострять на этом внимание я не стала. Подумаешь, тетя и тетя. Это обычное обращение к знакомым старшего возраста… Правда, живот на всякий случай втянула, спину расправила, подбородок вскинула. А когда самая последняя проходила мимо зеркала, окинула себя придирчивым взглядом.

Очень даже приятная женщина. И никакая не тетя.

Несмотря на гостей, ужин был скромным. Жаркое, салат из свежих овощей, любимый Дашин персиковый пирог и тот самый особенный чай, от которого становилось уютно на душе.

Обстановка была непринужденной. В основном болтала Дашка, взахлеб рассказывая о своей студенческой жизни. Марина, скромно улыбаясь, добавляла что-то свое и мягко смеялась, когда всплывало что-то забавное. Нам со Стасом досталась роль восторженных слушателей.

Муж словил приступ какой-то молчаливой задумчивости, а я только и успевала вставлять: «надо же» и «вот это да». Все остальное эфирное время принадлежало дочери и ее подруге.

— А как с женихами? — поинтересовалась я.

— Ма-а-ам, — Дашка тут же закатила глаза, — ну какие женихи! У нас в группе одни дураки. Хотя… на пятом курсе есть один красавчик, от него все девочки с ума сходя. Ничего такой, но ветрены-ы-ый. Сегодня одна, завтра другая, послезавтра еще пяток. Но краси-и-ивый. Глаз не оторвать.

Дашка — та еще коза. Прекрасно знала, как папаня относился к «женихам», и специально провоцировала. Впрочем, в этот раз он смолчал. Наверное, постеснялся что-то говорить в присутствии посторонних.

— Ну а ты, Марин? — я обратилась к нашей гостье. — Тоже на старшекурсников заглядываешься?

— Нет, тетя Лена, — улыбнулась девушка, снова назвав меня жутким «тетя», и, скромно потупив взор, сказала: — Меня не интересуют такие персонажи. Они пресные, никакие. В них только самолюбование. Мой идеал мужчины совсем другой. Умный, серьезный, глубокий. Который может чему-то научить, защитить. Я буду его нежной девочкой, а он моим центром

Вселенной. Я не хочу разменяться на ненужное, жду его. Того самого… Особенного… Лучшего.

Глядя на ее трепещущие ресницы, я невольно подумала о том, что наверняка дождется, по дороге растоптав порядочно чужих сердец. Из-за таких русалок мужчины теряют головы и готовы свернуть горы. В них сразу просыпаются те самые «защитники», готовые решать любые женские проблемы взамен на мимолетный поцелуй и улыбку.

Почему-то понимание этого неприятно царапнуло.

Я поставила себе мысленную пометку – ненавязчиво поговорить с Дашей, когда гостья уедет. Тактично намекнуть, чтобы не особо своих кавалеров с Мариной знакомила. Мало ли… Дружба дружбой, но сколько таких историй, когда лучшая подруга уводила любимого? Иногда по чистой случайности, а иногда назло, просто потому, что захотела и могла.

Я не говорю, что Марина – коварная сердцеедка, готовая вонзить нож в спину. Нет. С виду очень даже славная девочка. Просто мужское сердце – штука сложная. Перемкнет, и все. Забудет о той, которой клялся в верности, и побежит защищать вот такую: нежную, ранимую, восторженную.

Не хочу, чтобы дочь обожглась.

Хотя о чем это я вообще? Что за мысли такие посреди хорошего, спокойного вечера?

Отругав себя за мнительность, я поинтересовалась:

— Какие планы на завтра? Снова на пляж?

— Нечего там завтра делать, — неожиданно сказал муж, не поднимая взгляда от тарелки, — всю муть из моря принесет.

Он вообще сегодня с каким-то странным интересом рассматривал еду. Как будто впервые видел мое жаркое и салат. Отвечал невпопад, рассеянно, словно был где-то в своих мыслях, а не здесь и с нами.

— Кстати, да, — согласилась Дашка, — после сегодняшней непогоды весь берег будет в водорослях. Мы лучше дома останемся. Будем весь день сидеть у бассейна и загорать до тех пор, пока булки не поджарятся до румяной корочки. Да, Марин?

— Конечно. Я люблю загорать, когда вокруг не ходят толпы отдыхающих. Можно расслабиться и не бояться, что вдруг неудачно повернешься и купальник съедет набок, открывая лишнее чужим взглядам.

— Правильное решение, — согласилась я.

Вскоре мы перебрались в гостиную. Посидели, пообщались, потом Даша помогла мне убрать со стола, а муж тем временем развлекал разговорами нашу гостью. Хотя, судя по его сегодняшней рассеянности, развлечение было такое себе. Что-то его беспокоило.

После уборки Дашка засобиралась в гостевой. Оно и понятно: девчонки молодые, у них свои разговоры, хочется посекретничать, посмеяться. Зачем им сидеть с родителями?

Они ушли, а мы с Лешей еще немного посмотрели телевизор, а потом отправились в спальню. Там мужа прорвало — набросился на меня так, словно близости год не было. Взгляд безумный, поцелуи жаркие, остервенелые.

Мне понравилось. Я засыпала у него на груди ошалелая и счастливая.

Утром, оставив девочкам завтрак и записку на столе, мы отправились на работу. Леша отвез меня в кафе, а сам уехал в офис, сказав, что вечером вернется как обычно.

Город у нас курортный, и большая часть заработков крутилась вокруг туристов. Мой маленький бизнес не был исключением: кафе на набережной, еще одно на горе, с террасой для пафосных фотографий, пара уютных кофеен. На то, чтобы побывать в каждой из точек, проверить, как обстоят дела, пообщаться с сотрудниками и решить текущие проблемы, я потратила половину дня.

Потом заехала к Олесе — Лешиной сестре и по совместительству моей самой близкой подруге. Мы поболтали, вместе заскочили в любимый магазин с самыми свежими фермерскими продуктами в городе и разошлись по своим делам. Она – обратно на работу. Я домой.

Первое, что я услышала, зайдя во двор, – это заливистый Дашкин смех. Они с Мариной бесились в бассейне, поднимая водопад брызг, и хохотали. Я даже позавидовала такой беззаботности и веселью.

Гостья заметила меня первой:

— Здравствуйте, тетя Лена.

Блин, опять эта тетя…

Надо намекнуть, что уж лучше по имени-отчеству, чем вот так.

— Здравствуйте, — улыбнулась я, — как дела?

— О, мама пришла, — сказала дочь, выскакивая из бассейна, — давай помогу.

С нее ручьем лилась вода, и я предусмотрительно отвела сумку в сторону.

— Иди уж, помощница. Я сама. Тут не тяжело.

— Как знаешь.

— Давно вы плещетесь?

— С самого утра. Как встали, так сразу к бассейну.

— Аккуратнее, а то обгорите.

Дочь только отмахнулась:

— Ты же знаешь, я никогда не обгораю. А Маринка вон с кремом.

В этот момент Марина, держась за поручни, грациозно выбралась из воды и подошла к шезлонгу. Вытерлась полотенцем, перекинула волосы через плечо и взяла тюбик с солнцезащитным средством.

Я почему-то зависла, наблюдая за тем, как она неспешно прошлась ладонями по плечам, животу, спустилась на бедра. Движения плавные, какие-то особенные, тягучие…

Поправив полотенце, она аккуратно легла на живот. Плавки у нее были такие маленькие, что практически вся пятая точка оказалась открыта, а Марина еще и подогнула их, сильнее открываясь под солнечные лучи.

Красивая, кстати, пятая точка. Потянутая, упругая…

Почему я на это обратила внимание?

Тряхнув головой, я заставила себя не пялиться на оголенные телеса дочериной подруги и обратилась к Даше:

— Пойду приготовлю ужин, а то папа, как всегда, голодный придет.

— Папа? — удивилась дочь. — Так он уже давно дома…

— Да? — В полнейшем недоумении я посмотрела на дом. — А мне сказал, что придет вечером…

— Ну не знаю, — Дашка беспечно пожала плечами, — наверное, планы изменились. Я пойду?

— Конечно, милая. — Я рассеянно улыбнулась дочери и, поудобнее перехватив пакет, направилась к крыльцу.

Вообще, я любила, когда муж возвращался пораньше. Сразу становилось больше времени на нас, дом казался уютнее и теплее, но сегодня…

Сегодня я почему-то не обрадовалась.

Что-то странное екало где-то глубоко. То ли под сердцем, то ли в желудке, и я не могла найти определение этому странному. Просто было не по себе. Какая-то тревога наполняла душу и неприятными отголосками простреливала от макушки и до самых пяток.

Я занесла продукты на кухню и оставила их на столе, а сама отправилась в кабинет. Однако там было пусто.

Тогда, удивившись и насторожившись еще сильнее, я поднялась на второй этаж и обнаружила мужа в нашей спальне.

Вернее, не в спальне, а на балконе.

Он полулежа развалился на кресле с ноутбуком на коленях и сосредоточенно шлепал по кнопкам.

Почему мне это не нравится? Что не так?

Я никогда не была мнительной, но тут просто красная лампочка заморгала в голове, предупреждая то ли об опасности, то еще не пойми о чем.

— Леш, — позвала я, подходя ближе.

Мельком глянула на его экран – рабочий файл. Какие-то документы…

Что же не так?

Услышав мой голос, он очень натурально вздрогнул и отвлекся от своего дела:

— Привет.

— Ты чего так рано? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал безмятежно.

Что бы и где бы у меня ни екало, это не повод выносить мозг остальным. Я вообще не любительница делать выводы раньше времени. Наверняка всему есть достойное объяснение.

— У нас в соседнем офисе ремонт, красят стены. Мало того, что перфоратор с самого утра долбит, так еще и стены начали красить. Такая вонь стоит, что голова разболелась. Поэтому вот, — Алексей кивнул на ноутбук, — решил дома поработать.

— А чего не в кабинете? Там удобнее… и тише.

В этот момент снизу раздались писк и смех. Девочки снова полезли в воду, и с балкона было прекрасно видно, как они плескались в бассейне.

— Я же говорю, голова разболелась от краски. На свежем воздухе захотелось побыть, — он безмятежно пожал плечами.

А я продолжала наблюдать за тем, как Даша с Мариной боролись за надувного гуся. Дочь победила и, неуклюже забравшись на него, утонула попой в середине. Марине пришлось довольствоваться обычным надувным матрасом. Она улеглась на него животом, а я почему-то снова уставилась на ее булки.

Кто-нибудь может объяснить, какое мне дело до чужой задницы?

И тем не менее взгляд, как прилепленный, скользил то по гибкой узкой талии, то по бедрам, то по ногам…

— Лен, — позвал муж. Оказывается, все это время он что-то говорил.

— Что? — рассеянно переспросила я. — Извини, задумалась.

— Говорю, как твой день прошел?

Я тряхнула головой, окончательно приходя в себя.

— Все хорошо. Проехала по всем точкам. Виделась с Олесей.

— Моя сестра с тобой общается чаще, чем со мной.

— Что поделать, — я пожала плечами и снова повернулась к девочкам. Маринина жопа все так же светила, посылая сигналы в космос. — Они тебе, наверное, мешают?

— Я их вообще не замечаю. С головой в работе. А вообще… я уже закончил. Тебе помочь на кухне?

Я улыбнулась, но улыбка почему-то получилась натянутой.

— Было бы неплохо.

Леша выключил ноутбук так бодро, будто и не делал там ничего пять минут назад, засунул его с сумку и легко поднялся с кресла.

— Идем.

Я даже сказать ничего не успела, как он обнял меня за плечи и вывел с балкона.

Мы занялись ужином, и постепенно напряжение отпустило. О чем-то болтали, смеялись, гоняли Дашку, которая пыталась пробраться к столу, как лиса в курятник.

— Не таскай. Скоро ужин!

— Сил нет, какая голодная.

— Терпи.

Через полчаса было все готово, и мы собрались за столом. Шумная Дашка, загадочная Марина, немного уставшая я и Алексей… от которого почему-то пахло одеколоном.

Это было странно.

Улучив момент, когда девочки отвлеклись, я шепотом поинтересовалась у мужа:

— Ты чего так надушился? Собрался куда-то?

— Запах краски до сих пор в носу. Не перебить ничем, — со скорбным видом пожаловался Алесей и отправил в рот кусочек мяса.

А у меня снова екнуло… Потому что вдруг почудилось, что мне врут.

В отличие от вчерашней непогоды, сегодня выдался отличный день, да и вечер тоже не подкачал. Приятная свежесть, напоенная ароматами фруктовых садов, неспешный стрекот кузнечиков, ласковый ветерок.

— Может, в беседке посидим? — Даша игриво посмотрела на отца. — Знаешь, как я соскучилась по твоему фирменному шашлыку? Весь год о нем вспоминала. Маринка вон соврать не даст.

Ой, подлиза.

Марина подняла глаза к потолку и сокрушенно покачала головой:

— Мне кажется, уже весь универ в курсе, что с вашими шашлыками ничего не сравнится. Что вы просто бог шашлычного искусства. Гуру.

Муж даже как-то засмущался, но вместе с тем грудь надулась, глазки заблестели, как у довольного кота.

Приятно, наверное, когда дочь так самозабвенно нахваливает и говорит, что папочка лучший.

— В принципе, можно. Лена как раз сегодня купила шикарного мяса… — начал было он, но Дашка перебила:

— Ура! Будут шашлыки! Я уже умираю от желания впиться зубами в сочный кусочек, — замычала она, блаженно прикрыв глаза, а потом обратилась к подруге: — Вот увидишь. Ты после того на другие шашлыки даже смотреть не сможешь. Это катарсис. Эйфория. Вкусовой оргазм.

— Так уж прямо и оргазм? — усмехнулась Марина.

— Да-да. После шашлыков моего папули все остальные будут казаться пресным г…

— Даша, — я предупреждающе вскинула брови, — за столом не выражаемся.

— Прости. Это просто от избытка чувств, — совершенно без раскаяния сказала дочь. Мысль о шашлыках уже полностью ее захватила.

— Ну раз ты так просишь, — хмыкнул муж, поднимаясь из-за стола, — то будут тебе шашлыки.

В общем, несмотря на то, что мы вроде как поужинали, было принято спонтанное решение устроить небольшой вечерний пикничок.

Алексей быстро, как заправский повар, нарезал мясо, замариновал его по своему особому рецепту. И пока Даша помогала мне убирать со стола и готовить быстрые снеки и закуски, муж с Мариной носили посуду в беседку.

Вскоре мы все перебрались туда. Я заняла свое любимое место в плетеном кресле и неспешно попивала гранатовый сок, а девочки крутились возле Алексея и смотрели, как он колдовал над шашлыками. Заваливали его вопросами, суетились вокруг него, наверное больше мешая, чем помогая. Смеялись.

Откинувшись на спинку кресла, я наблюдала за ними сквозь полуприкрытые веки и все ждала, когда же меня накроет ощущением того непередаваемого домашнего уюта, умиротворения.

Почему-то не накрывало.

И когда на столе появилась первая партия идеальных, ровно зажаренных шашлыков, у меня тоже ничего не дрогнуло. Зато остальные были в восторге.

Дашка сразу запихала в рот большой кусок и мычала, махая ладошками на свой рот.

— Горячо же, — с укором сказала я.

— Жато фкуфно, — прошепелявила она.

Марина ела не торопясь. Вонзила зубы в румяный кусочек и аккуратно откусила.

— М-м-м. — Капля прозрачного сока скатилась с губы на подбородок. Она стерла ее кончиком пальца, а сам палец сладко облизала. — Это и правда оргазм.

Леша светился. Он всегда гордился своими фирменными шашлыками, а тут вообще грудь колесом, хвост веером, физиономия довольная.

— Это еще что. Быстрый маринад. А вот завтра я сделаю по более сложному рецепту, там просто улет.

— Еще вкуснее? — Марина неверяще распахнула глаза.

— В сто раз.

— Подтверждаю, — авторитетно сказала Даша и потянулась за следующим куском.

Почувствовав себя на коне, Алексей развернулся. Начал рассказывать истории, шутить, так что девки хохотали до упада. Весь такой из себя душа компании…

Было уже почти одиннадцать, когда девочкам приспичило снова искупаться, а я взглядом намекнула мужу, что нам пора.

— Да ну, Лен. Ты смотри, как хорошо на улице. Может, тоже искупаемся?

— Леш, у тебя завтра поездка в соседний город. Ты не забыл? Вставать в пять утра.

— Да встану, подумаешь…

— Не подумаешь. Тебе за рулем два часа сидеть. Я не хочу, чтобы где-нибудь на горном серпантине тебя накрыло.

— Ничего не накроет!

— А еще вспомни про свои головные боли, когда у тебя случается недосып.

— Ерунда…

— Не ерунда. Вспомни, как в прошлый раз было плохо.

— Лен, да ничего не будет. Мы сейчас…

— Идем спать, а девочки пусть дальше отдыхают.

— Но…

— Не надо навязывать свое присутствие, Леш. Поверь, им и без нас есть о чем поговорить.

Он вспыхнул, сердито схватил телефон со стола и, не оборачиваясь, весь из себя такой обиженный, рванул к дому.

Я проводила его тревожным взглядом. Какая странная реакция… Будто маленького мальчика домой загнали. Совсем на него не похоже.

Пребывая в некотором смятении, я слегка прибрала на столе, крикнула Даше, что мы ушли, и тоже отправилась спать.

— Чего ты завелся? — спросила я, забираясь под одеяло. — Я все понимаю, бог шашлыка имеет право на минуту славы, но ты же знаешь, что я права. Завтра тебе будет очень нехорошо, а день предстоит сложный…

— Ты не даешь мне нормально общаться с дочерью! — буркнул муж и повернулся на другой бок, спиной ко мне.

Глава 2

На следующий день Алексей вскочил раньше будильника. Будто специально, чтобы доказать, что я не права и что он запросто может встать, даже поспав всего пяток часов. Причем сам встать, без моего содействия.

Обычно же как… Я ставила свой будильник, просыпалась первая, будила его, ласковой кошкой прижавшись к боку. Пока он раскачивался, тер глаза, лежа в постели, я спускалась вниз и готовила легкий завтрак. Заваривала его любимый кофе.

А тут все сам. Сам проснулся, сам встал, сам пошел вниз на кухню. Только делал это как слон в посудной лавке, так что я все равно проснулась. За ним не пошла, вместо этого осталась в постели и уныло смотрела в окно.

Погода такая хорошая. Солнечная. Птицы поют, листва шумит.

Что ж так неспокойно-то?

Через двадцать минут Леша поднялся обратно и, рывком распахнув шкаф-купе, принялся одеваться. Движения нервные, затылок упрямый.

Хоть ни слова не было сказано, но чувствовалось, что он все еще обижался на меня.

Неприятно.

Я не могла отпустить мужа в командировку в дурном расположении духа, и тем более поругавшись. Даже если эта командировка в соседний город всего на день и к вечеру он должен был вернуться.

Как бы ни спорили, как бы ни обижались друг на друга и ни ругались – любимых надо провожать в хорошем настроении.

Поэтому, улучив момент, когда он воевал с галстуком, я подошла и тихо сказала:

— Давай помогу?

Муж посмотрел на меня исподлобья, но руки от галстука убрал, предоставляя профессионалу заниматься этим нелегким делом.

Я завязала красивый узел, расправила невидимые складочки на рубашке, а потом, встав на цыпочки, обхватила ладонями лицо мужа и поцеловала.

Он ответил, но не сразу. С секундной задержкой, будто еще сомневался, идти на встречу или не идти, менять гнев на милость или не менять.

— Не сердись, — прошептала я, обнимая его, — я заботилась о тебе.

— Знаю, — кивнул Леша, — и не сержусь. Проводишь?

— Конечно.

Мы спустились вниз. Муж взял чемодан с ноутбуком, обулся и вышел на крыльцо. Я за ним. Дождалась, пока он выгонит машину из гаража, снова обняла, поцеловала, дала обычные напутствия:

— На серпантине не гони.

— Не буду.

— Позвони, как приедешь на место.

— Позвоню.

Леша еще раз чмокнул меня в нос, прыгнул в салон и плавно выкатил со двора. А я навела порядок на месте вчерашнего пикника, потом позавтракала, выпила чашечку кофе, почитала на террасе книгу, наслаждаясь утренней тишиной, и отправилась на работу.

Надо было пересмотреть меню с нашими поварами, дозаказать кое-что из продуктов, да и так, по мелочи всякое. Много времени это не заняло, к полудню я уже освободилась и отправилась домой.

Девочки снова обосновались у бассейна. Только вместо вчерашнего шума-гама царила тишина. Дашка, лениво двигая руками, плавала на надувном матрасе, а Марина сидела на шезлонге и с кем-то сосредоточенно переписывалась в телефоне.

При моем появлении обе встрепенулись.

— Как дела?

— Сегодня так лениво… отдыхаем, — вздохнула дочь и поплыла дальше, а Марина обратилась ко мне:

— Тетя Лен, сфоткайте меня, пожалуйста, а то у Даши руки мокрые.

Она поднялась с шезлонга и протянула мне телефон.

— Фотограф из меня так себе, — предупредила я.

— Ничего. Я уверена, у вас все получится.

Она перекинула распущенные вьющие волосы через плечо, встала боком, красиво отставив ножку.

Я сфотографировала.

— Еще вот так, пожалуйста. — Развернулась спиной, подняла руки, зарывшись ими в шевелюру.

И снова передо мной оказалась ее задница. В этот раз в черных, умопомрачительно маленьких стрингах.

Я на автомате щелкнула и вернула телефон владелице.

— Спасибо, тетя Лен. У вас здорово получилось, — поблагодарила Марина, посмотрев снимки.

— Ты кому это собралась такие развратные фоточки слать? — подозрительно спросила Дашка, подгребая к бортику.

— Светка попросила показать новый купальник, — коварно улыбнулась Марина. — Надо похвастаться.

Светка – это еще одна их институтская подруга.

— Передавай ей привет.

— Обязательно. — Она что-то понажимала, потом улыбнулась и зачем-то мне сообщила: — Все, отправила.

Где-то в районе трех позвонила Олеся и по видеосвязи торжественно объявила, что их породистая тракененская кобылка только что родила жеребенка.

Они с мужем в этом плане сумасшедшие – целую ферму развели. Каких-то коз, дающих молоко со вкусом пломбира, породистых кур, несущихся синие яйца, трех лошадей. Я только диву давалась, откуда у людей столько сил, чтобы еще домашним подворьем заниматься? Мой предел – это кошки, которые целыми днями где-то мотались и приходили домой только пожрать.

Услышав про жеребенка, Дашка тут же подскочила ко мне и, заглянув в экран, загорелась:

— Какой хорошенький! А на кого похож? Вроде на мамочку. Вот бы посмотреть. — И руки домиком сложила, умоляюще глядя на меня.

— Даш…

Олеся, конечно же, услышала ее стоны и со смехом сказала:

— Приезжайте да посмотрите. Кто мешает?

— Мам, пожалуйста, — взмолилась Дашка, — я никогда не видела новорожденных жеребят. Говорят, у них копытца такие смешные… И сами они неуклюжие, в ногах путаются. Сплошная милота…

— Даш, у нас вообще-то гости. — Я кивнула на Марину, которая все так же зависала в телефоне и при этом, чуть прикусив нижнюю губу, загадочно улыбалась

— Маринка тоже хочет посмотреть. Да, Марин?

— А? Что? — Та подняла рассеянный взгляд, явно прослушав все, о чем мы тут говорили.

— Сегодня у папиной сестры кобылка жеребенка родила. Хочешь посмотреть?

— Сегодня?

— Да!

Марина на миг задумалась, опустила быстрый взгляд на экран мобильника, а потом улыбнулась:

— С удовольствием.

— Вот видишь, мам. Марина тоже хотела бы посмотреть.

— Даш, неудобно.

— Да брось ты. Какое неудобно? — встряла гостеприимная Олеся. — Конечно, приезжайте. Все вместе. Я буду только рада.

— Уверена? — все еще продолжая сомневаться, уточнила я.

— Абсолютно. Все, жду!

В итоге я сдалась:

— Хорошо. Мне тут немного по работе надо доделать, и через пару часиков приедем.

Дашка тут же заскакала как маленькая и от восторга захлопала в ладоши:

— Мы едем смотреть жеребенка! У-ра! У-ра!

Ладно, пусть смотрят. От меня не убудет. Пока они там с лошадьми возятся, мы с Олеськой поболтаем немного о своем, о женском. Все равно дома делать нечего, муж вернется ближе к ночи.

Время пролетело быстро. Я едва успела закончить все свои дела, как дочь начала спрашивать:

— Мы уже едем? Уже пора? Такси вызывать?

— Все, Даша, не мельтеши, — взмолилась я, — дай мне пятнадцать минут, чтобы приготовиться, и я сама все вызову. Договорились?

— Мы тогда пойдем собираться?

— Идите.

Я еще раз проверила документы, над которыми работала, выключила компьютер, собралась и вызвала машину.

— Девочки! Пора! Сейчас уже приедет! — крикнула я, выйдя во двор.

В окне гостевого домика тут появилась дочкина макушка:

— Мы почти готовы.

Их «почти готовы» растянулось на десять минут.

Такси уже приехало. Я даже уже села в салон, а девчонок все не было. И вот когда я уже собралась звонить и торопить этих неспешных барышень, дверца распахнулась, и на заднее сиденье плюхнулась взбудораженная Дашка:

— Погнали.

Я и слова сказать не успела, как водитель лихо тронулся с места.

— Погоди… А Марина? — растерялась я, не понимая, что вообще происходит.

— Ей вдруг нехорошо стало. На солнце, видать, перегрелась. Позеленела вся, затряслась. Сказала, что тошнит сильно. Даже температура поднялась.

— Но как же… мы ее оставим одну?

— Не переживай, мам. Если что, мы с ней на связи, — решительно сказала Даша, для наглядности показывая мне мобильник. — Она сказала, что сейчас спать ляжет. Так что все нормально.

Я потерянно оглянулась, испытав дикое желание увидеть родные окна, но дом уже скрылся за поворотом.

Кажется, у меня что-то заело. Иначе чем объяснить, что я, как конченая невротичка, каждые три минуты дергала рукав, чтобы посмотреть на часы. С ними тоже творилось не пойми что. Большая стрелка то, как приклеенная, стояла на одном месте, то наматывала круги с бешеной скоростью.

— Ты чего все дергаешься? — спросила Олеся, подливая мне травяного чая.

Как ей объяснить, почему я дергалась, когда я сама этого не могла понять? У меня внутри стягивалась пружина, и каждый вдох ледяным комком падал в легкие.

Уже два часа прошло с того времени, как мы уехали из дома. Сначала пришлось постоять в неожиданной пробке – на узкой улочке перевернулся небольшой грузовичок с фруктами, напрочь перегородив дорогу, – потом в гостях.

Даша увидела жеребенка и пропала, а я, словно робот, не могла даже нормально улыбнуться. Трясло. Непонятно, почему колотило так, словно кто-то подключил двести двадцать.

Может, тот грузовик не просто так повернулся? Может, это был знак свыше? Сигнал, что надо повернуть обратно и не уезжать из дома?

Грохот сердца стал оглушающим. Я не понимала и половины того, что говорила подруга. Смотрела, как она шевелила ртом, а слов не слышала. В голове сплошная вата, в груди – тревожный кисель.

— Олесь, прости, — я резко поставила кружку на стол, — нам пора домой.

— Почему? — удивилась она.

— Муж должен из командировки вернуться. А у меня ничего не готово…

— Да ладно тебе, Лешка не из тех, кто по приезде бежит к холодильнику за сладеньким.

Снова укол. За сладеньким можно бежать не только к холодильнику…

Я всеми силами пыталась заблокировать неправильные, неприятные, грязные мысли, но они, как отрава, медленно, но верно просачивались сквозь все преграды.

Перед глазами как наяву стоял образ Марины в купальнике. Неспешные, полные потаенной истомы движения, улыбка с оттенком лукавства, взгляд, обращенный не на меня.

Я поднялась из-за стола:

— Все равно пора, уже стемнело… да и неспокойно что-то мне.

Неспокойно – это очень слабо сказано. На самом деле у меня внутри одновременно сотня взрывов, гигантское цунами и пожар. Колошматило так, что зуб на зуб не попадал.

— Раз неспокойно, то надо ехать, — согласилась Олеся.

Я буквально силой утянула Дашку из конюшни. Кажется, она была готова облобызать и жеребенка, и его мамашу, и вообще весь Олесин зверинец.

— Мам, ну ты посмотри, какой он классный.

— Да-да, милая. Классный. Идем.

Такси, как назло, не ехало.

Закон подлости, не иначе. Когда не спешишь – машина прилетает за несколько минут, а когда подгорает – обязательно какие-то проволочки.

Первый заказ отменился, пришлось заказывать снова.

К тому моменту, как у ворот притормозила старенькая иномарка, я уже едва могла стоять от волнения. Меня подкидывало, бомбило так, что не вздохнуть.

Ехали мы непростительно медленно. Старый глуховатый сморчок вцепился в баранку так, словно боялся, что стоит только ослабить хватку – и это ржавое корыто рассыплется, всех пропускал и не разгонялся больше пятидесяти.

Когда мы вывернули на нашу тихую, уютную улочку, я уже была похожа на всклокоченную фурию, одной ногой стоящую на пороге сердечного приступа. Мне было не просто неспокойно. Мне было страшно до тошноты.

Дом встретил нас темнотой. Зато в гостевом домике тускло светило одно окошечко в гостиной.

Я отправила Дашу на кухню:

— Отнеси пакет, пожалуйста. И чайник поставь. — А сама пошла туда.

Замешкалась, поднявшись на крыльцо, а потом все-таки толкнула дверь…

А там муж…

И Марина.

Вместе.

За моим плечом сдавленно охнула Дашка, которая так и не ушла в большой дом. Единственное, что я смогла сделать в этой ситуации, — это закрыть ладонью глаза дочери и вытолкнуть ее на улицу.

Пусть она уже взрослая, но видеть, как твой голый отец с видом блаженного идиота зажимает твою лучшую подругу, врагу не пожелаешь.

— Не смотри, — просипела я, — просто не смотри.

В груди все в хлам, сердце вдребезги. Боль дикая, будто все ребра одновременно смялись в крошево.

А муж, услышав возню, обернулся. Увидел нас с Дашкой и, изменившись в лице, не своим голосом заорал:

— Дверь закройте!

Невозможно передать словами, что я испытывала в этот момент. Боль, страх, отчаяние… ярость. Ненависть! Такую острую и всепоглощающую, что будь я чуть импульсивнее и несдержаннее, взяла бы лопату и их обоих перерубила бы к чертям собачьим!

— Мам… мама… — кажется, дочь задыхалась. — Они там… они… Папа… Марина…

— Иди в дом, — приказала я.

В этот раз она послушалась. Как заяц, бегом бросилась к крыльцу и заскочила внутрь, будто хотела спрятаться.

Увы. От такого не спрячешься. То, что она увидела, навсегда останется с ней.

Прижав руку к заполошно мечущемуся сердцу, я кое-как вдохнула. Со свистом втянула воздух в легкие, не чувствуя ни свежести, ни облегчения.

Внутри трескалось, кипело, распадалось на уродливые, бесформенные ошметки не только мое сердце, но и вся моя жизнь.

Только если мой муж… мой горячо любимый сука-муж… думал, что я просто уйду, дав ему и дальше дергаться между чужих ляжек, то он очень глубоко ошибся.

Сердце в клетку, боль на замок. На лицо непробиваемая ледяная маска – и вперед.

Внутри какая-то бестолковая возня, но мне пофиг. Я толкнула дверь с такой силой, что та распахнулась и со всей дури врезалась в стену.

От грохота зазвенели стекла, раздался сдавленный писк Марины, прижимающей платье к своим голым сиськам. Леша, до этого прыгавший на одной ноге, второй пытаясь попасть в штанину брюк, бездарно повалился на пол.

— Лена! — возмущенно и вместе с тем как-то по-козлиному убого и дребезжаще.

— Извиняюсь, что прервала в такой момент, но… с вещами на выход, — с этими словами я кивком указала на выход, — живо.

Он неуклюже поднялся и все-таки справился со своими несчастными портками.

Не знаю, как мне удавалось стоять ровно. Хотелось прямо здесь, при них, согнуться пополам и хорошенько проблеваться.

Красные полосы на его плечах, припухшие губы Марины – все это такая мерзота, что меня передернуло.

Ненавижу!

— Лен…

— Давай без лирики. Опустим душещипательные истории о том, что я все не так поняла. И что на самом деле у Мариночки случился инфаркт и ты, как истинный герой-спаситель юных дев, делал ей непрямой массаж сердца через межножное отверстие.

— Тетя Лена…

— Какая я тебе тетя? — я перекинулась на дорогую «гостью». — Ты приперлась в мой дом, пользовалась моим гостеприимством, жрала мою еду, а потом решила, что и мужем можно воспользоваться?

— Вы не понимаете…

— Заткнись. Мнение шмар – это последнее, что меня интересует в этой жизни. Встала и вышла, пока я тебя не вышвырнула отсюда.

— Но вещи…

Конечно, ее больше волновали шмотки, чем то, что по ее вине сломалась семья.

— Встала. И вышла, — по слогам отчеканила я.

— Лена! — кажется, к мужу наконец вернулась способность членораздельно говорить,.— Ты ведешь себя грубо.

Он попытался надеть маску сурового мужика, у которого все под контролем. Только мне уже было все равно. Забрало упало.

— Хрену своему нотации читай. Не мне. — Вперила в него ледяной взгляд, под которым он стушевался, покраснел, задышал, как маленький мальчик, которого поймали за проступком. — И если ты не понял, то веду себя как обычная жена, застукавшая мужа верхом на подруге дочери. Так что взял свою шмару и свалил.

— Ленка!

— Хватит ленкать! Я не буду повторять дважды, Жданов! Проваливай!

— Это вообще-то и мой дом тоже…

— И ты решил, что это повод кувыркаться тут с залетной девкой, пока жены и дочери нет дома? Решил, а почему бы и нет, раз перед тобой так самозабвенно демонстрируют молодые прелести?

Дура я. Дура! Идиотка конченая! Кретинка!

Я же сразу поняла, что с этой девкой что-то не так. Сразу почувствовала. Все эти тревожные мысли, неприятные покалывания в груди – это интуиция моя вопила, предупреждая об опасности! А я не услышала ее, не поняла! Дура!

Надо было при первом же тревожном звоночке отправить Марину восвояси.

Только я этого не сделала! Я ни черта не сделала! Убедила саму себя, что мне кажется, и вот итог.

— Мариш, признавайся, фоточки Лешеньке сегодня отправляла? Решила, что это прикольно — попросить жену сфотографировать твою голую жопу, а потом отправить снимки ее мужу. — Судя по тому, как она побагровела, я попала в точку. — Так себе юморок. Дешевенький. На троечку.

Муж метнул на нее осуждающий взгляд и тоже покраснел до кончиков волос.

— Послушай…

— Еще слово, и я за себя не ручаюсь, Леш. Мне хватило твоего вкрай охреневшего «дверь закройте».

Он дернулся так, будто я его ударила.

— Я просто не хотел, чтобы дочь не увидела…

— Поздно, Жданов. Даша все видела. Каждую подробность вашей убогой случки. И твой вяло трепыхающийся зад, и свою «подругу», извивающуюся под тобой.

Наверное, что-то такое было в моем взгляде, потому что муж окончательно смутился и отступил.

— Идем, — буркнул Марине, которая уже кое-как напялила платье, — на адекватный разговор сегодня тут рассчитывать не стоит.

Ах ты, гад. Адекватности захотел после того, как я своими собственными глазами видела его потуги на любовном поприще.

— Но мне нужны вещи, — снова заблеяла эта овца.

— Оставь. Потом заберешь.

— Но…

— Послушай дядю Лешу, девочка. Он человек умный, фигни не посоветует.

Да, я разговаривала некрасиво. И нет, мне не было стыдно.

В этом помещении далеко не мне должно было быть стыдно.

— Завтра поговорим, — сказал он, поравнявшись со мной.

— Мы поговорим, когда у меня закончатся рвотные позывы от твоего присутствия. А теперь проваливайте. Живо!

Алексей досадливо сморщился и пошел к машине, которую в темноте и на нервах я и не заметила под навесом. Надо же, как знал, козлик, что придется снова садиться за руль, и не стал загонять ее в гараж.

За ним ломанулась Марина. Проскочила мимо меня, как глиста через сливное отверстие, и, цокая каблуками, побежала за моим мужем.

Надо же, и температура прошла у бедолажки, и тошнота с перегревом. Вот что животворящий секс с чужим мужиком делает.

Я храбрилась, накручивала себя, подбирала гадкие эпитеты и хлесткие слова, не позволяя себе остановиться. Потому что стоило только замолчать, и я начинала сползать в зловонную яму.

Когда заходила в дом, меня попросту колотило. Зубы отбивали такую громкую дробь, что казалось: еще немного – и я прикушу себе язык.

Надо успокоиться. Взять себя в руки…

— Мам, — позади надломленный, испуганный голос, — они уехали?

Я прикрыла глаза.

Даша… Дашенька… Дарья, мать твою… Как же ты могла притащить к нам это…

— Да, — просипела я, — я их прогнала.

Она всхлипнула:

— Отец ушел с ней?

— Да.

— Он вернется? — в голосе нарастающая истерика.

Я молчала. Потому что единственный ответ, который сейчас крутился на языке, – это «через мой труп».

Я слишком брезглива, чтобы принять обратно мужика после того, как своими глазами увидела измену.

— Мам, он вернется?

— Даш, иди спать… — устало выдохнула я.

Дочь всхлипнула еще раз, а потом, зажав себе рот рукой, чтобы не разрыдаться в голос, бросилась наверх.

А я выдохлась. Меня хватило только на то, чтобы уйти в самую дальнюю гостевую комнату и там медленно сползти по стенке на пол. По щекам бежали первые обжигающе горячие слезы, боль душила. Я цеплялась пальцами за горло, пытаясь нащупать ту удавку, что стягивалась все сильнее и не давала нормально дышать. Царапала себя, но легче не становилось.

Что ты наделал, сволочь! Как ты мог?!

Глава 3

Первое, что я увидела, едва открыв глаза, — это резная ножка кресла прямо перед моим носом. Я уставилась на нее озадаченно и хмуро, пытаясь понять, где я и как я тут оказалась.

Внутри было странно — какая-то пустота, холодная и безысходная.

Я не понимала, откуда она взялась, но потом вспомнила… Лучше бы не вспоминала, честное слово.

Потому что все то, что было пустым, в одно мгновение наполнилось болью.

Мне муж изменил.

И не просто изменил, а залез на подругу нашей дочери в нашем же доме. А на полу я, потому что заснула там, где проревела полночи.

Тело затекло. Кое-как опираясь на ладони, я сначала села, потом, ухватившись за подлокотник кресла, встала.

Штормило. Пока шла в ванную, моталась, словно пьяная, хотя ни капли алкоголя во мне не было. Тело одновременно казалось невесомым, и в то же время на каждой ноге по пудовой гире.

Кажется, где-то в доме раздавались звуки, но мне было не до них. Все, чего хотелось, – это залезть в душ.

Скинув одежду, провонявшую чужим предательством, я забралась в кабину и включила теплую воду. Потом прибавила почти до кипятка, потом, наоборот, пустила холодную. И так несколько раз, то шипя от горячего, то взвизгивая от ледяного.

Контрастный душ помог – туман в голове начал рассеиваться. Легче, конечно, не стало, но, по крайней мере, я начала соображать.

Как жить дальше? Что теперь будет?

Я понятия не имела, как буду выгребать, и лишь одно знала наверняка: надо найти адвоката, который будет защищать мои интересы при разводе.

Развод…

Вот уж не думала, что когда-нибудь буду пробовать это слово на вкус. Казалось, что все у нас с Лешей прекрасно, что, прожив хорошую, насыщенную жизнь, мы вместе встретим старость, будем ходить за ручку, как те трогательные бабульки с дедульками, над которыми все умиляются. Внуков будем растить…

Все казалось таким реальным, предопределенным и сломалось за один день. Да какое за день! За одну секунду! В тот самый момент, когда я распахнула дверь гостевого домика и увидела их.

В груди спазм такой силы, что пришлось прижать ладонь к сердцу, а спиной привалиться к холодной стене.

— Тише, тише, — шептала, обращаясь к самой себе, — не надо. Тише… Они того не стоят.

Ладно, хоть слез больше не было. За эту ночь я потратила их столько, сколько не тратила за все предыдущие годы брака. Гордилась, что муж у меня золотой, сокровище, с которым жизнь проживешь и ни слезинки не прольешь. И на тебе. Отыгрался! Компенсировал годы безмятежного счастья коварным ударом в спину.

Глянув на свое отражение в зеркале, я горько усмехнулась. Утро китайского пчеловода во всей красе: под глазами мешки, кожа блеклая, и все лицо какое-то одутловатое, будто сразу стала старше на десяток лет. Так дело не пойдет…

Я достала из шкафчика косметичку и принялась приводить себя в порядок. Не для кого-то. Для себя. Я так хочу. Мне так нужно.

Только после этого я вышла на кухню, где вовсю колдовала дочка.

— Даш? — настороженно позвала я, наблюдая за ее нервными, суетливыми движениями.

— Мамуль, садись. Сейчас будем завтракать, — голос неестественно веселый, как и весь ее внешний вид, — я блинчиков по твоему рецепту напекла. Правда, сахара, кажется, многовато положила, но все равно вкусно.

— Даша, посмотри на меня.

Дочь замерла, как будто испугавшись моих слов, втянула голову в плечи и медленно обернулась.

Утро китайского пчеловода номер два…

Тоже ревела, а теперь пыталась спрятаться за напускной веселостью. Это пугало еще больше, чем слезы, потому что в каждом жесте, в каждом взмахе ресниц были надрыв и агония.

— Ты хоть немного поспала? — тихо спросила я.

Она сникла:

— Не знаю. Вроде засыпала, но потом вскакивала. Сны снились… плохие… А еще я много думала.

— О чем?

— О том, что ты… — Она замялась, потом вдохнула побольше воздуха и выпалила: — Ты должна простить папу!

Глядя на то, как в ее глазах разгорался фанатичный блеск, я растерялась.

— Что? — даже переспросила, не в силах переварить услышанное.

— Ты должна простить отца! — твердо и в то же время капризно повторила дочь.

Ну вот и приплыли. Сначала муж потоптался, теперь добивала родная дочь. Кто следующий? Кому еще хочется отщипнуть кусок от моего разбитого сердца?

— Даша, ты понимаешь, о чем вообще меня просишь?

— Да, мам, понимаю.

Я начала заводиться:

— Может, мне еще Мариночку принять? Завести с ней дружбу? Пустить к нам жить? А по утрам будем собираться за одним столом, как большая дружная семья. Этого ты от меня хочешь? Или, может, скажешь, что я уже не котируюсь на рынке невест и твоему обожаемому папочке нужна женщина помоложе?

— Что?! Нет! Марина… она… Она тварь конченая! Я ненавижу ее! Она и в подметки тебе не годится! — Дашу затрясло. — Ты… ты самая красивая и прекрасная женщина на свете! Самая лучшая.

— Но не для твоего отца.

— Он ошибся, мам. Просто ошибся! Я уверена, что это Марина его обманула! Подстроила все. Может, подмешала чего-то в чай…

Глядя на ее отчаянные попытки обелить отца, я невесело усмехнулась.

Добро пожаловать во взрослую жизнь, девочка. Пора снимать розовые очки и понимать, что взрослые порой творят дичь просто потому, что хотят ее творить, а не по причине того, что их – бедных, несчастных – кто-то обманул или силой заставил.

— Даш…

— Нет, нет, мам, послушай, пожалуйста! Я уверена, что сейчас он места себе не находит и рвет волосы на голове, не понимая, как все это случилось…

Как по мне, тут все предельно понятно. Молодая, не обремененная моралью девка решает, что женатый мужик вполне подходит для того, чтобы перед ним раздвинуть ляжки. А этот женатый мужик в одночасье забывает о клятвах, семье и прожитых годах только потому, что перед ним помахали свежей сиськой. Все элементарно и до тошноты банально.

— Я бы могла тебе объяснить, что случилось, но, кажется, ты и сама все прекрасно рассмотрела вчера вечером.

Она отчаянно покраснела и закрыла лицо ладонями, пытаясь спрятаться от стыда.

— Я уверена, он жалеет. Эта проститутка ему не нужна. Это была просто… просто ошибка.

— Да ты что, Дашуль? Честно? Просто ошибка? С голой жопой и на чужой девке?

Да, звучало не очень. И это я еще держалась в выражениях.

— Ошибка! Я уверена, он уже раскаивается и скоро придет. Да, он сделал очень плохо. Но ты должна простить его, принять… — она все-таки разревелась, — чтобы все было как прежде.

Моя маленькая, глупая, залюбленная до невозможности девочка, привыкшая к тому, что ее семья – это нерушимая крепость, твердыня. Я понимала, почему она так говорила, почему так отчаянно цеплялась за прошлое. Ей хотелось, чтобы мама и папа были вместе несмотря ни на что, хотела сохранить то тепло, что всегда было между нами.

Ей было страшно.

Мне тоже было страшно. А еще противно.

— Принять его? Даш, ты серьезно? Ты думаешь, что-то может быть по-прежнему после того, как увидела измену своими глазами? Думаешь, я захочу с ним разговаривать, прикасаться, делить постель? Да меня тошнит от одной мысли об этом. Я слишком брезглива, чтобы подбирать использованное.

— Ну, мам, — взмолилась она, — ты должна…

— Кому я должна? — спросила жестче, чем могла бы. От моего тона Дашка вздрогнула, как испуганный котенок. — Ты предлагаешь мне переступить через себя, простить изменщика и дальше жить как ни в чем не бывало только потому, что тебе этого хочется? Прости, но нет. Ты уже не малышка и должна понимать, что есть вещи, которые не прощают. Никому.

— Ну вы же семья, — рыдала она. — Вы любите друг друга…

— Увы, эта любовь не выдержала испытания молодой похотливой шмарой.

Которую ты, дочь моя, притащила в наш дом. А теперь смеешь требовать от меня какого-то принятия и прощения.

Я не сказала этого вслух. Не смогла.

— И что теперь? Ты… ты собираешься развестись?

— Да, — просто ответила я.

— Ну, мам! — истерично воскликнула она. — Так нельзя!

Я только покачала головой.

— Даша, нельзя предавать. И себя в том числе. Нельзя прощать, особенно когда не просят прощения. А переворачивать страницу и уходить из того места, где тебя макнули носом в экскременты, можно и нужно. Когда-нибудь ты это поймешь.

— То есть ты отдашь его, да? Позволишь папе уйти к этой стерве?

— Он взрослый мужик, Дашенька. Взрослый, состоявшийся, способный сам решить, когда и с кем снимать свои портки. Он сделал свой выбор, я делаю свой. Будет развод.

— А мне что делать, мам? Что в этой ситуации делать мне? Я вас обоих люблю! Мне теперь разорваться?!

Как же ты безжалостна в своем эгоизме, моя дорогая дочь. Как больно бьешь в измученное сердце и даже не понимаешь этого, не чувствуешь…

— Ты тоже взрослая, — наконец произнесла я, — и должна решить эту задачу сама, без чьих-либо подсказок. Ты совершеннолетняя, поэтому никто не заставит тебя принимать чью-либо сторону. Ваши отношения с отцом – это ваше дело. Не мое.

— Да как ты не понимаешь! Я хочу, чтобы вы были вместе! Как раньше! — она сорвалась на крик.

— Как раньше не будет, — твердо сказала я, — и спасибо за блины… но я не голодна.

С этими словами я взяла из ящика рулон мусорных пакетов и вышла из дома.

Боже, кто бы знал, как я любила свой дом раньше и каким холодным и неуютным он казался мне сейчас. Грязным, испохабленным! Будто на каждой стене, на каждой поверхности отпечатались чужие сальные пальцы.

На крыльце гостевого я остановилась, пытаясь набраться решимости и пересилить саму себя. Хотелось развернуться и убежать, зажмуриться, чтобы никогда этого не видеть, стереть себя память…

— Тряпка, — прорычала я и пинком открыла дверь.

В маленькой гостиной царил полнейший беспорядок, словно тут порезвилось стадо свиней. От вида смятого покрывала на том самом месте, где Алексей зажимал Марину, меня замутило. Как и от чужих трусов, оставленных на подлокотнике.

Эта сука так торопилась за моим мужем, что ускакала прямо без них.

На столе в тарелке – остатки позавчерашнего шашлыка и копчёной рыбы, надкусанные фрукты, над которыми вилась мошкара, в кружке – забродивший, покрывшийся пленкой чай.

И воздух такой… едкий, сладковато-тошнотворный. Наполненный чужими духами, запахом похоти, гниющих остатков еды.

Сейчас точно вырвет.

Я распахнула все окна, пытаясь запустить кислород в осквернённое жилище, и принялась за уборку. Один пакет использовала как перчатку, чтобы не прикасаться к этому дерьму голыми руками, а во второй принялась сгребать все, что попадалось на пути. Трусы, чужую одежду, мятое покрывало с дивана. Потом прошла в комнату, в которой жила Марина, и выгребла все ее барахло: косметику из тумбочки, сменную одежду, белье.

Туда же отправились завонявший шашлык и персиковые огрызки. Остатки пиццы на масляном листе бумаги, уставший салат и чай. И компот. И рыба. А сверху солнцезащитный крем, которым так щедро сдабривала свою жопу дорогая наша гостья.

Содержимое мусорного ведра? Туда же!

Что еще?

Я сходила в ванную и одним движением смела с полок все банки, склянки, предметы личной гигиены. Большую бутылку шампуня открыла, сдавила и небрежно бросила сверху.

Все добро поместилось в два здоровенных пакета. Я плотно завязала каждый их них, потому что воняло настолько отвратительно, что не знаю, как сдержала рвотные порывы, пока тащила это все к мусорным бакам у въезда во двор. Бросила мешки на солнцепёке, чтобы уж наверняка дошло до кондиции, и пошла обратно, намереваясь продолжить в том же духе.

Сжечь бы весь этот рассадник похоти и заразы, да я слишком расчётлива и прагматична для этого. Нам еще имущество делить…

Я вытаскивала все, на чем мне хотя бы чудился отпечаток присутствия Марины. Даже надувной матрас, по которому она елозила своими гадкими стрингами, проколола с диким удовольствием и топтала ногами, пока не вышел весь воздух.

Гора барахла у мусорных баков неотвратимо росла, а я, наоборот, все сильнее входила в раж. Оттащила туда и плетеный шезлонг, и лавку, на которой сидела эта прошмандовка.

Кто-то скажет, что я тронулась умом, но мне это было необходимо. Я громила ни в чем не повинные вещи и чувствовала себя лучше. Злость, которую я старательное в себе распаляла, действовала как защитная броня. Сквозь нее не могли пробиться ни боль, ни сожаления. Никаких дебильных мыслей из разряда: а что, если Даша права и надо простить?

Ну уж не-е-ет. Я купалась в этой злости, молилась на нее, упивалась каждым витком бешенства. Наслаждалась ненавистью.

После гостевого дома, бассейна и зоны барбекю пришел черед главного дома. Нашей спальни. Того храма любви, в котором еще недавно я была главной и единственной жрицей.

Теперь это была просто комната, в которой слишком сильно воняло предателем. Все его вещи тоже отправились в мусорные пакеты, как и обувь, одеколоны и все остальное. Пусть скажет спасибо, что обошлось без тухлой рыбы.

День прошел как в тумане. Я крутилась как белка в колесе, не позволяя себе лишний раз остановиться и подумать. К черту мысли – от них только хуже. Мне нужна усталость. Такая, чтобы без задних ног упасть на кровать и отрубиться мертвецким сном.

За все это время Даша лишь дважды попадалась мне на глаза. Первый раз я увидела ее в окне, когда вытаскивала Маринин хлам к помойке. Второй раз – ее испуганная физиономия мелькнула в проходе, когда я пинками толкала к лестнице мешки с вещами ее отца.

А что поделать? Наступила Эра Расхламления и Перестановок. Привыкай, доченька… Если, конечно, останешься со мной, а не выберешь сторону своего дорогого, горячо любимого папочки.

А если все-таки выберет его?

Что ж, она достаточно большая для подобных решений. Ее дело, ее право. Если это произойдет, мне надо просто постараться не сдохнуть от боли и одиночества.

Вечером я была никакая. За весь день во рту не было ни крошки, но голод так и не пришел. Зато силы кончились. Я едва смогла добраться до ванной, принять душ, а потом просто рухнула в кровать, моментально провалившись в серые бесформенные сны.

Следующим утром был самый одинокий завтрак за последние несколько лет. Муж где-то на вольных хлебах — может, работал, а может, никак не мог отлипнуть от Мариночкиных прелестей, – дочь к столу не спустилась. У меня не было сил снова видеть слезы и слушать истерики, поэтому я не стала ее звать. Сейчас каждой из нас нужно было уединение и немного времени, чтобы заново научиться дышать.

Я снова предпочла активность унынию и ринулась на работу. Переделала кучу дел и могла бы переделать еще в два раза больше, но не смогла справиться с фобией. Мне вдруг начало казаться, что в мое отсутствие в дом снова заползет змея и попытается свить там гнездо. Поэтому, раскидав все дела, понеслась обратно. К счастью, мои страхи оказались беспочвенными: дома было все по-прежнему. И только я остановилась, чтобы перевести дыхание, как раздался звонок.

От Алексея.

Эх и надломилось у меня, когда увидела его морду на экране с подписью «Любимый». Прострелило от макушки и до пяток и затрясло. Боль, страх, отчаяние, обида, ревность налетели, обескураживая своим напором.

Однако ни одно из этих чувств не просочилось в голос, когда я ответила на звонок:

— Слушаю!

— Лена? — настороженно спросил пока еще мой муж.

— А ты звонил кому-то другому?

— Нет. Тебе. Хотел узнать, готова ли ты меня нормально выслушать.

— Нормально – это как? — хмыкнула я.

— Без истерик и криков.

Не готова, но фигли откладывать?

— Без проблем. Где? Когда?

Пока я прикидывала, как подготовиться к встрече, Леша огорошил следующей новостью:

— Я уже у ворот. Сейчас зайду.

Да твою ж мать…

Я не готова.

Глава 4

Я вышла встречать его на крыльцо вовсе не оттого, что капец как обрадовалась возвращению блудного мужа. Нет. Меня передергивало от одной мысли, что он зайдет в дом. Я только навела какой-никакой порядок и не хотела, чтобы заново топтались грязными ботинками.

Грязь. Именно это ощущение появлялось, когда я думала о Леше и Марине. Я не знаю, как другие женщины прощали и продолжали жить с изменщиками. Это мерзкое чувство гадливости… оно же навсегда. Сколько бы времени ни прошло, как бы ни силилась простить и забыть, а с удовольствием есть тухлое яблоко, перемазанное нечистотами, не сможешь. Омерзительный привкус ничем уже не перебить.

Наверное, я слишком категорична, но как есть.

Заправив руки в карманы, муж неспешно поднялся на крыльцо и остановился, исподлобья глядя на меня.

Я тоже смотрела и все больше чувствовала, что он изменился. Как будто в одночасье стал чужим. Не человеком, с которым прожила двадцать лет, а незнакомцем, от которого не знаешь, чего ожидать.

Я больше не чувствовала себя комфортно в его присутствии. Мне было холодно, несмотря на летнюю жару.

— Как дела? — спросил он и даже улыбнулся, пытаясь сделать вид, что ничего не произошло.

Неужели думал, что подыграю?

Как бы не так.

— Давно ли ты стал адептом тупых вопросов?

Он вздрогнул, будто я отвесила ему оплеуху, а потом с укором сказал:

— Ты же сказала, что готова к нормальному разговору.

— Готова, — сказала я, складывая руки на груди, — только если ты думал, что нормальный разговор – это когда мы с тобой будет стоять друг напротив друга, улыбаться и говорить как в старые добрые времена, то у меня для тебя плохие новости. Улыбаюсь я близким, родным, тем, кому доверяю, и тем, кто мне симпатичен. Ты не относишься ни к одной из этих категорий. Поэтому говори, чего хотел, и проваливай.

Набычился. Не понравилось, как я с ним разговаривала. Привык к уважению, мягкому обращению и улыбкам, а теперь строил из себя оскорблённого.

— Хорошо. Давай просто обсудим то, что произошло, — произнес таким тоном, будто делал мне одолжение, — без эмоций. Это-то ты можешь?

— Не пытайся сделать из меня истеричку, Леш.

Уж чем-чем, а истериками я никогда не грешила. Кажется, у меня этой опции не было в базовых настройках. Орать с пеной у рта, бросаться с громкими завываниями, бить посуду – не про меня. И Жданов это знал, но продолжал изображать обманутого дурака:

— Я же вижу, что злишься.

Издевается, что ли? Может, я должна была встретить его с распростертыми объятиями и радостной улыбкой?

— Имею право. Вперед, я жду.

Он отошел к перилам и устремил задумчивый взгляд на гостевой дом.

— Мне очень жаль, что вы с Дашей это увидели. Это было не очень… красиво.

Это было не просто некрасиво, это было мерзко до тошноты. Стоило вспомнить, и рот снова наполнился горечью.

— Ты не представляешь, как нам жаль. Особенно твоей дочери.

Он досадливо и сокрушенно покачал головой:

— Наверное, думает, что отец совсем умом тронулся…

Мне не нравилось, как он говорил. Не нравился его тон. Слишком спокойный для человека, который жалел о содеянном и пришел просить прощения.

— Можешь сам у нее об этом спросить.

Он помолчал еще немного, подумал, а потом выдавил сконфуженное:

— Пожалуй, нет.

— Пожалуй, нет?! — Я не поверила своим ушам. — Ты залез на подругу дочери в доме, где эта самая дочь родилась и росла, а теперь говоришь «пожалуй, нет»? Вот уж не ожидала, Жданов, что ты еще и трусом окажешься.

— Лен, — он в сердцах хлопнул ладонью по перилам и развернулся ко мне лицом, — ты думаешь, мне просто?

— Как у тебя только наглости хватает говорить такое! После всего, что натворил? После того, что мы видели своими собственными глазами? Непросто ему… — Я негодующе всплеснула руками. — Обалдеть.

— Лен…

— Что «Лен»? Хочешь сказать, что я не права? Или что-то не так поняла? Ты предал меня. Предал дочь. Предал семью, — холодно чеканила я. — Предал наш дом, который мы с тобой строили с нуля. Разрушил всю нашу жизнь, забравшись на эту залетную проститутку, а теперь смеешь жаловаться на то, что тебе тяжело?

— Она не проститутка, — сквозь зубы процедил мой муж.

— Да? А кто же она? — поинтересовалась я, ожидая каких угодно слов, но только не того, что Алексей поднимет на меня серьезный взгляд и уверенно скажет:

— Женщина, которую я люблю.

— Кто-кто? — переспросила я, склонив голову набок и приложив ладонь к уху.

Мне ведь послышалось? Почудилось, будто мужчина, с которым столько лет прожили душа в душу, вдруг словил приступ безумия и сказал, что любит подругу дочери.

— Не притворяйся, Лен. Ты все прекрасно поняла с первого раза.

— Я ни черта не поняла, Жданов! Вот просто ни-чер-та! У меня все это в голове не укладывается. Как муж, которому всю жизнь доверяла как самой себе, вдруг оказался мало того, что подлым изменщиком, так еще и говорит о какой-то внезапной любви.

— Так бывает, — тихо казал он и отвернулся.

А у меня будто разом все силы испарились. Смотрела на его спину, плечи, на усталую макушку и не могла понять, как мы с ним оказались в этом месте, в этой ситуации.

Не было ни предпосылок, ни напряженных моментов, ни того угнетающего непонимания, которое подталкивает семьи к развалу. Не было угнетающего быта и тотального охлаждения в постели. Ничего не было!

Почему же тогда…

Я с сипом втянула воздух в легкие.

А может, это у меня только было все хорошо? А он все эти годы шел домой через силу – просто потому, что надо было идти?

Нет. Я бы почувствовала. Может, позволила бы себе обманываться день, два, неделю, но мне бы это быстро надоело. Я не их тех, кто с упоением носит розовые очки и цепляется за воздушные замки.

Все было нормально. Не хуже и не лучше, чем у других, со своими трудностями, суетой, но нормально. А теперь между нами будто разверзлась пропасть, и с каждой секундой человек, который был самым родным и близким, стремительно от меня удалялся.

Не видела его всего два дня, и уже казалось, что он не так двигался, не так смотрел, не так говорил.

А может, и не казалось? Может, он и правда уже другой, потому что… не мой?

— И как же это ты так быстро успел влюбиться? Сколько она у нас пробыла, прежде чем залезла к тебе в штаны? Два с половиной дня? И этого времени оказалось достаточно, чтобы твое сердце наполнилось искренней любовью?

— Более чем!

Он не сомневался! Алексей говорил это так спокойно и уверенно, что мне становилось страшно.

Неужели можно вот так легко всего за пару дней забыть о своих клятвах, о прежних чувствах? Обо всем…

— Ты, случайно, не спутал любовь с банальной похотью? Увидел молодое привлекательное тело – и все, мозг стек ниже пояса. Вот в это я запросто могу поверить.

— Это не похоть, — упрямо повторил он, — и да, у нее обалденное тело.

— Я помню, как ты на него таращился с балкончика. — Меня снова передернуло от отвращения. — Аж домой пораньше прискакал, чтобы не пропустить самое интересное. Дело ведь в этом, а не в том, что в офисе якобы воняло краской?

У него покраснели уши – главный признак того, что попался на вранье.

— Какая разница? — тут же огрызнулся Алексей.

— Большая! Я просто пытаюсь понять уровень твоей наглости. Развалиться на балконе, попивать чаек и таращиться на чужую жопу, когда рядом дочь, – это уже верх цинизма, тебе так не кажется?

— Что ты хочешь от меня услышать? Что мне стыдно? Мне стыдно! Довольна?

— Тебе стыдно из-за того, что натворил? Или из-за того, что облажался и мы увидели твои потуги на сексуальном поприще?

Он порывисто обернулся:

— Да пойми ты! Я влюбился! Вот здесь, — кулаком постучал по груди, — полыхает! У меня чувства настоящие!

— А ко мне, значит, были искусственные?

— И к тебе настоящие. Были! Но столько лет прошло… Мы давно уже просто плывем по течению. Я был уверен, что вот это, — широким жестом обводит дом, — мой предел, но теперь… теперь я ожил!

Он ожил, а я умирала. Разве это справедливо?

— А как же дочь? Ты о ней подумал, когда тащил в койку ее подругу? Представляешь, каково ей? Знать, что любимый отец предал?

Он смутился, а потом твердо сказал:

— Дети имеют свойство вырастать. Только дурак будет ради них отказываться от своей любви. Когда-нибудь она меня поймет.

— Даже так, — протянула я, едва стоя на ногах, — так сильно увлекся, что и на Дашку плевать?

— Я не говорил, что мне плевать! Просто… просто я выбираю чувства. Ты не представляешь, какое это чудо – в таком возрасте снова ощутить, как неистово колотится за ребрами! Это подарок судьбы.

Вот как так? Ему в подарок новая любовь, а мне растоптанное в хлам сердце? Разве это справедливо?

— Я, конечно, рада за тебя. Но не от всей души.

— Я знаю, что ты обижена, и не рассчитываю на прощение, но понять-то по-человечески ты можешь.

— Не могу, Жданов. И не хочу. Ты только что сказал, что тебе по фигу не только на меня, но и на дочь, которая тебя боготворит.

— Мне не по фигу! Не выворачивай мои слова наизнанку! Я хочу общаться с Дашей, но только при условии, что не будет скандалов и истерик.

Я посмотрела на него удивленно и не скрывая недоумения:

— А ты, случайно, не оборзел? Собрался ставить условия родной дочери после того, как она тебя верхом на подруге увидела? Мол, или заткнись и принимай все как есть, или вали на хрен и не мешай моей новой счастливой жизни? Так, Жданов?

— Я просто хочу, чтобы все прошло спокойно.

— Ты просто хочешь, чтобы тебе было удобно! И чтобы тебе никто нервы не мотал.

— Что в этом такого? Что? Я тоже человек! Мне хочется тишины, уюта и спокойствия.

— Они у тебя были, Жданов. Все это время тебя окружали тишина, уют, спокойствие, но тебе этого стало мало, и ты возжелал новой любви и ощущений. И рыбку съесть, и косточкой не подавиться в такой ситуации не выйдет. Так что наслаждайся.

Стоять больше не было сил, поэтому я опустилась на плетеное кресло. Откинулась на спинку, руки положила на подлокотники. Со стороны выглядело достойно, а внутри все в хлам. В кровавое месиво, из которого уже ничего не восстановить.

Думала, больно было, когда увидела Алексея с голым задом на Марине? Как бы не так! Это были цветочки. А ягодки – вот они. Когда в глаза говорят, что любят другую, когда не раскаиваются, не сожалеют и явно тяготятся твоим присутствием, мечтая поскорее сбежать к своей ненаглядной козочке.

Черт, сейчас сердце через рот выскочит и плюхнется к его ногам окровавленным шматком мяса.

Тише, тише…

Очень мучительно дышать.

Я попыталась сесть поудобнее, так чтобы ничего не давило, но разве это возможно? Разве как-то можно справиться с таким чудовищным потоком боли?

А муж стоял напротив меня, набычившись, готовый с пеной у рта защищать себя, свое драгоценное спокойствие и свою новую любовь.

Он уже не мой. Чужой.

Ослеп, перестал чувствовать меня, иначе бы уже понял, что попросту убивает свою пока еще жену, с которой прожил столько лет, мать своего ребёнка.

Он уже закрылся, переключился на другую женщину, а я для него – прошлое.

Вот он, тот самый «коротыш» в мужских мозгах, который за считаные дни, минуты, секунды обесценивает прежнюю жизнь, переворачивает все с ног на голову. Я думала, это сказки, что так не бывает, а если и бывает, то уж с нами-то точно не случится. В итоге вон как все обернулось.

Я вдруг почувствовала себя маленькой и беззащитной девочкой, которую выгнали ночью в лютую вьюгу – холод до самых костей, ничего не видно, страшно. Хотелось разораться, разреветься, броситься на него и трясти за грудки, надавать пощечин, но вместо этого я холодно поинтересовалась:

— И что теперь, Жданов?

Он поморщился:

— Хватит называть меня по фамилии. Мне не нравится.

Мерзавец! Еще смел какие-то претензии выдвигать.

— Поверь, другие прозвища, которые крутятся у меня на языке, тебе понравятся еще меньше. Ты не ответил на мой вопрос. Что будем делать дальше?

— Лен, ты взрослая женщина. Сама все понимаешь…

— Хватит юлить и ждать, когда я облегчу тебе жизнь и все скажу сама!

Алексей надрывно вздохнул, будто все тяготы этого бренного мира лежали на его натруженных плечах, и глухо сказал:

— Я хочу развестись.

Ну вот и все…

Еще неделю назад я была счастливой женщиной, у которой дом – полная чаша, любящая семья, прекрасный муж. А сегодня сидела на веранде, вцепившись пальцами в подлокотники, и пыталась не сдохнуть.

— Без проблем. Разводимся.

В его взгляде проскочил неожиданный укор:

— Ты так говоришь, будто тебе плевать.

— Мне не плевать. Но цепляться за мужика, который якобы влюбился в другую, не стану и умолять тебя остаться не буду. Мне вся эта грязь не нужна.

— Почему якобы? Такое чувство, что ты мне не веришь! — проигнорировав слова о грязи, Леша тут же зашелся в праведном возмущении. — Я же тебе говорю…

— Да-да. Я помню: щемит в груди, портках и всех остальных местах. Можешь не повторять, — отмахнулась я. — Время покажет, чего стоит твоя «новая любовь».

Он снова недовольно отвернулся, помолчал некоторое время, а потом опять вернулся к неприятной теме:

— Нам нужно обсудить раздел имущества.

Я напряглась.

Да и как тут не напрячься, если никогда не думала о разводе и не имела ни брачного договора, ни плана действий в такой жуткой ситуации. Все, что у нас было, я называла «нашим» и даже помыслить не могла, что когда-то придется что-то делить.

— И что с разделом имущества?

— Я все взвесил и решил, что… Я забираю машину и квартиру в городе. Этот дом, — он сделал широкий жест рукой, очерчивая все, что было вокруг нас, — остается вам с Дашей.

Неожиданно, учитывая, что дом стоил раза в четыре дороже, чем наша городская однушка и машина, вместе взятые.

— С чего такая щедрость?

— Это твой дом. Ты в него вложила душу и сделала таким, как он есть. Здесь выросла наша дочь. Он должен остаться у вас. Мы с Мариной пока поживем в квартире, а в будущем построим что-нибудь свое.

Я чуть было не поинтересовалась, что по этому поводу думает сама Мариночка, ведь ей бы наверняка прямо сейчас хотелось крутить жопой возле нашего бассейна, а не когда-то в необозримом будущем. К счастью, хватило мозгов вовремя прикусить язык. Неподходящий момент для сарказма и провокаций: слишком многое стояло на кону.

— Хорошо.

— По поводу бизнеса, — бойко продолжал он, воодушевленный моим мнимым спокойствием, — я думаю, справедливо будет, если каждый останется при своем.

Тут он, конечно, в выигрыше. У меня просто кафешки, у него агентство по строительству и отделке элитных коттеджей. Однако я никогда не вмешивалась в его работу. Это было детище моего мужа, которое он сам создал и поднял с нуля. Моего вклада там не было, если не считать эмоциональной поддержки.

А кому сейчас было дело до моих эмоций? Правильно, никому.

— Без проблем.

— Все остальные накопления – пополам.

— Договорились. Подавай заявление, я его подтвержу.

— Я думал, ты сама это сделаешь.

— Э, нет, Жданов. Раз уж начал ломать семью, то сам и доламывай. Все сам. Я на себя брать такой груз не собираюсь.

— Лен, ну зачем ты так? Я же пытаюсь по-хорошему.

Неужели он и правда ждал, что я сейчас буду рассыпаться в благодарностях, прыгать вокруг него, говорить «какой ты молодец, все делаешь правильно»?

Неужели не понимал, что я была на грани? Едва держалась на плаву после того, что видела своими глазами, и после того, как он пришел и добил словами.

— Так и я само очарование. А теперь будь добр – уйди. Я больше не хочу тебя видеть.

— Мне нужно собрать вещи…

Я усмехнулась:

— Об этом можешь не переживать. Я уже все собрала. — И пальцем указала на внушительную гору мусорных пакетов, возвышающуюся возле бачков.

Жданов проследил взглядом за моим жестом и нахмурился:

— Не смешно.

— Никаких шуток, Жданов. Мариночкино тоже захвати. Оно, правда, немного испачкалось. — Я сочувственно развела руками.

— Лена!

— Скажи спасибо, что не сожгла.

Снова укор во взгляде. Будто ждал, что я его поддержу, обниму, скажу, что все будет хорошо, а я взяла, дрянь такая, и не поддержала. Обидела бедного влюбленного мальчика.

— Всего хорошего, Жданов. Желаю счастья в новой любви, — с этими словами я кое-как поднялась с кресла и ушла в дом.

Все силы уходили на то, чтобы держать спину прямой, а голову гордо поднятой. Я не могла позволить ему увидеть мою боль. Перебьется. Я потом повою раненой волчицей, а пока буду Снежной королевой, которой все нипочем.

Оказавшись на кухне, я подошла к окну и сквозь полупрозрачные шторы наблюдала за тем, как Алексей таскал мешки в машину.

Он уходил. А я кусала губы в кровь и умирала.

В голове набатом звучало безжалостное: я ее люблю.

Я не могла остановиться и представляла, как теперь каждое утро он будет завтракать с Мариной. Звонить ей в течение дня и с работы быстрее бежать к ней. Не ко мне…

Представляла, как они будут проводить свои ночи, не в состоянии оторваться друг от друга, насытиться прикосновениями, поцелуями, дикими стонами. Будут смеяться, смотреть вместе фильмы, укутавшись мягким пледом, ездить в путешествия.

А я… я теперь одна. Просто почти бывшая жена, которую уже не любят…

Спустя десять минут ворота за ним окончательно закрылись и машина уехала. В этот раз насовсем.

Что я чувствовала?

Ничего…

Меня будто что-то заморозило изнутри, сковало, придавливая все ощущения. Даже боль стала какой-то чужой, посторонней. Наверное, так всегда бывает, когда отмирает кусочек души и на его место приходит холодная пустота.

— Мам, — за спиной раздался надрывный шепот.

Я обернулась и увидела взволнованную Дашу.

— Вы поговорили с папой? — Ее аж трясло. — Помирились? Он извинился?

— Он приходил не для того, чтобы извиняться.

Она затряслась еще сильнее.

— А зачем?

— Сказать, что хочет развестись.

Громко всхлипнув, Даша отшатнулась так, будто я ее ударила.

— Ты врешь!

— Нет. Он влюбился в Марину и уходит к ней. Нам оставляет этот дом, а сам будет жить с ней в городской квартире.

— Он не мог так сказать! — выкрикнула она, отчаянно мотая головой и пятясь от меня. — Не мог!

— Даш…

— Ты врешь! — Дочь развернулась и со слезами убежала наверх.

Глава 5

Даша

Это какой-то бред. Бредятина!

Такое чувство, будто весь мир сошел с ума и творит не пойми что.

Может, это сон? Дурацкий кошмар, состоящий из бессмысленных отрывков? Скорее всего. Надо просто проснуться…

Однако сколько бы я ни щипала себя за руки, сколько бы ни хлопала по щекам – пробуждение не наступало. Вокруг все так же булькало зловонное болото, затягивающее мою семью. Мою прекрасную дружную семью, в которой все друг друга любили, уважали и поддерживали. В которой я всегда оставалась маленькой девочкой, а родители, как два надежных крыла, позволяли взлетать все выше и выше.

А теперь все ломалось, сыпалось прямо на глазах, превращаясь в уродливые руины.

Я до сих пор не могла прийти в себя после того, что увидела в гостевом домике. Стоило только прикрыть глаза, и снова картинка как живая: приглушенный свет, человеческие тела, уродливые в своем вожделении, взгляд Марины из-за отцовского плеча.

Стоило только вспомнить об этом, и тут же окатывало лютым морозом.

Это все неправда! Отец не мог так поступить – просто потому, что не мог! Он всегда боготворил маму, сдувал с нее пылинки, радовал цветами и подарками, заботился! Просто произошло какое-то чудовищное недоразумение. Может, ему было плохо и он случайно перепутал мою подругу с матерью? Кратковременное помутнение рассудка, инсульт…

Я не знаю, чем еще объяснить произошедшее.

А мама…

Неужели она не понимала, насколько все это неправильно и нереально? С отцом что-то случилось, беда какая-то, а она про развод. Ну какой развод?

Я отказывалась в это верить. Не понимала, как такая мысль вообще могла прийти ей в голову. Мы семья, мы должны держаться друг за друга, помогать. А отцу явно была нужна помощь!

Только почему-то мама не понимала этого, не видела. Ее реакция была пугающе жесткой и бескомпромиссной. Я пыталась достучаться, пыталась объяснить, что так неправильно, так нельзя, но она не слышала меня. Уперлась, и все тут. Он сделал свой выбор, я делаю свой…

Ну какой это был выбор?! Это просто ошибка! Досадное недоразумение, которое надо было поскорее забыть.

Однако мама была непреклонной. Я наблюдала за тем, как она вычищала гостевой дом, как таскала мусорные пакеты, в которых наверняка было Маринино барахло. Это было правильно: мне самой хотелось вышвырнуть все это говнище из нашего дома. Но когда она вернулась в дом, поднялась в их с отцом спальню и начала так же избавляться от папиных вещей, мне стало страшно.

Хотелось подскочить к ней, хорошенько встряхнуть и спросить: что ты творишь?! Что это за глупости такие? Он же придет! Я уверена.

И отец пришел. На следующий день, после обеда.

Я, даже еще не увидев его, узнала по рычанию машины. Вернулся! Я знала, что он вернется. Оставалось только молиться, чтобы у матери победили не обиды, а здравый смысл. Чтобы она выслушала его и поняла. Наверняка были какие-то уважительные причины, по которым произошло то, что произошло, надо просто разобраться, выслушать его и простить.

Они разговаривали на террасе, а я сидела в своей комнате, прижав ладони к губам, и ждала, когда все разрешится. Когда этот кошмар закончится и все вернется на свои круги. Когда придут родители и, держась за руки, объявят, что помирились.

Однако время шло, но никто так и не пожаловал в мою комнату, а выглянув в окно, я увидела, что отец таскает мешки со своими вещами в машину.

Что ты делаешь? Не туда! Их надо нести в другую сторону! Обратно в дом!

Когда он уехал, я бросилась вниз и нашла маму на кухне, возле окна. От одного взгляда на нее меня перетряхнуло. Спина прямая, выражение глаз холодное, отстраненное. Как у человека, который что-то для себя решил и смирился с этим решением.

— Вы помирились? — спросила я, уже понимая, что это не так. — Он попросил прощения?

— Он приходил не за этим.

Да наверняка за этим! Она просто не дослушала его! Не поняла! Включила обиженку!

— И что он сказал?

— Сказал, что любит Марину и будет жить с ней в городе, а этот дом оставляет нам.

Меня как мешком по голове прибило.

Кого любит? Марину? Да это бред собачий! Он мать любит! Всегда любил. Зачем она врет? Зачем наговаривает на него?

Я убежала к себе и провела самую кошмарную ночь в своей жизни. Ни на секунду не сомкнув глаза, таращилась в потолок, думала, злилась на отца за то, что не смог нормально все объяснить, на мать за то, что не захотела слушать. Они ведь все испортят!

А к утру пришла к единственному правильному выводу. Раз им самим не хватает мозгов и такта, чтобы помириться, это придется сделать мне.

И для начала надо переговорить с отцом. Не по телефону, а с глазу на глаз. Пусть мне объяснит, как допустил такое, и дальше мы уже вместе подумаем о том, как успокоить и убедить мать.

Мысль окрылила, поэтому после завтрака, наспех собравшись, я отправилась в город, пребывая в полнейшей уверенности, что все в моих руках.

Добралась до нашей квартирки, расположенной в новом четырехэтажном комплексе, с видом на море. Перед дверью остановилась, вдохнула, выдохнула, приводя мысли в порядок. Я меня все получится. Надо просто взять и сделать. Решить эту проблему, раз другие не могут. Спасти нашу семью.

Собралась, нацепила улыбку и утопила кнопку звонка.

Внутри сначала было тихо, потом послышались шаги, звякнула задвижка. Дверь открылась, но на пороге стоял не отец, которого мне так хотелось увидеть, а Марина.

— О, а вот и подруга пожаловала, — усмехнулась она, отступая в сторону и жестом приглашая войти, — не стесняйся, будь как дома.

Меня будто паралич расшиб, а дурацкая улыбка намертво прилипла к губам.

Смотрела на подругу, облаченную в короткую леопардовую сорочку с черными кружевами по линии декольте и подолу, и не могла ни слова сказать.

— Что же ты стоишь? Входи, раз пришла.

Я как неживая перешагнула через порог и тут же зацепилась взглядом за смятую кровать, видневшуюся в комнате.

— Не обращай внимания, мы только встали.

— Где отец? — голос предательски дрогнул.

— Алекс пошел за круассанами. Тут неподалеку шикарная пекарня, нам очень нравится их выпечка с утренним кофе.

— Алекс?

— Ну не Лешенькой же мне его звать, — рассмеялась она, — это как-то по-старперски.

Именно так его мама всегда и называла. Это было мило и трогательно. Это было уютно. Было.

С трудом совладав с эмоциями, я начала говорить:

— Я не знаю, что это вообще такое, но ты должна уехать. Немедленно.

Марина удивленно вскинула брови:

— Кому должна?

— Ты должна уехать, — с нажимом повторила я.

— Это он сказал? Или ты с мамочкой так решила?

— Так будет правильно.

— Да? Ну, пусть он сам мне это скажет, — рассмеялась она, кокетливо проведя кончиками пальцев по кружевному вырезу сорочки, — если захочет.

Ее веселье выбило остатки уверенности у меня из-под ног. Я вдруг ощутила себя побирушкой, пришедшей к чужому дому. Настраиваясь на доверительный разговор с отцом, я даже не думала, что беседовать придется с ней. Не подготовилась.

— Как ты могла, Марин? Мы же подруги, — прозвучало так жалко, что самой стало тошно.

— И что, Даш? Что теперь? Мне отказаться от планов на жизнь и перспективных отношений, которые меня полностью устраивают, ради того, чтобы и дальше ходить с тобой под ручку и есть мороженку? — Она развела руками. — Ты сама виновата. Прожужжала все уши о том, какой у тебя папаня шикарный, какой замечательный. И красивый, и добрый, и сильный, и ответственный, и щедрый. Сама разрекламировала его, а теперь удивляешься, что я в него заочно влюбилась?

— Он женат! Двадцать лет!

— Согласна, застоялся мужик. По нему прямо чувствуется. Столько страсти, такой ненасытный…

Я вспомнила то, что видела в гостевом домике, представила, чем они занимались здесь, на этой широкой расхристанной постели, и меня чуть не стошнило.

— Мне не нужны подробности!

— Зря. Отец у тебя ого-го-го. — Показав два поднятых кверху больших пальца, Марина заговорщически подмигнула.

— Ты все это подстроила! Опоила его!

— Опоила? Серьезно? — рассмеялась она, прикрыв глаза ладонью. — Даш, ты, как всегда, неподражаема. Опоила… Я, наверное, скажу очень удивительную для тебя вещь, но мужика не надо ничем поить, если у него уже проснулся инстинкт охотника. Он сам рвется в бой.

— Какой бой? Кто ты вообще такая, чтобы ради тебя биться?

Темные глаза опасно блеснули.

— Дашунь, ты правда думаешь, что я с бухты-барахты ехала? Не подготовившись? Просто приперлась и за два дня увела из семьи мужика? Я, конечно, красотка, но не настолько. Это работа. Кропотливая и ответственная.

— Никого ты не увела! Он просто ошибся.

— Ну-ну, утешай себя, — снисходительно сказала Марина. — Тебе объяснить, как все это работает? Запросто. Сначала одна недалекая подруга нахваливает своего папочку, забыв о том, что папочка он только для нее, а для всех отсталых половозрелых женских особей — перспективный интересный самец. Нахваливает щедро, с подробностями. Где живет, чем занимается, чем увлекается. И если внимательно слушать, то можно узнать много полезных технических подробностей. Например, название фирмы, принадлежащей волшебному папочке. А дальше дело техники – найти в сети сайт, электронную почту, написать, а еще лучше показать… Помнишь ту фотосессию в стиле «ню»?

Я помнила. Перед весной Марина внезапно загорелась идеей сделать откровенную фотосессию, якобы порадовать горячими снимками молодого человека, живущего в другом городе. Я еще восхищалась тем, какая она смелая и откровенная, ходила вместе с ней по магазинам в поисках самого сексуального белья. Хихикала, как дура, когда подруга показывала готовые кадры, в шутку называла ее путаной и заверяла, что парень, которому все это предназначалось, точно не устоит.

В те моменты я и подумать не могла, что это для моего отца. Что Марина показывала мне свои почти обнаженные снимки, цинично забавлялась моей реакцией, а потом отправляла их ему, заранее планируя развалить мою семью.

— Сначала одну фотографию. Самую приличную. Потом другую, — продолжала подруга соблазнительным шепотом, — потом третью. И с каждым снимком все меньше одежды и больше обещаний. И да, у него был шанс остановиться, отправить мой адрес в черный список, но он не сделал этого. Я ставила уведомления о прочтении, и галочка загоралась почти сразу после отправления. Держу пари, твой папочка ждал этих фоток с большим нетерпением. Потом шел домой, к твоей матери, ужинал с ней, ложился в постель, а думал обо мне. Разговаривал с тобой по телефону, а думал обо мне. Представлял…

Меня передернуло.

— Это все бред! Отец не мог! Он бы не посмел так поступить.

Снова снисходительная улыбка:

— А он ничего и не делал. Не знал, кто я и откуда. Даже имени моего не знал. Я была для него загадкой, недостижимой иллюзией, пикантным секретом, добавляющим остроты в размеренную жизнь. Просто таинственной незнакомкой из сети. Он только смотрел. И мое появление в вашем доме стало для него сюрпризом. О-о-очень приятным.

— Ты все подстроила!

— Браво. Пять за сообразительность. Только не подстроила, а продумала. Это две большие разницы. Оценила риски и возможности, составила бизнес-план и последовательно его выполняла. Зря, что ли, на маркетологов учимся? — заговорщически подмигнула Марина. — Полезные вещи там, оказывается, преподают. Все эти законы потребительского поведения, формирование воронки продаж, прогрев аудитории, лестница Ханта. Хотя чего я тебе рассказываю, ты и сама все это прекрасно знаешь. У тебя оценки по этим темам выше, чем мои.

Даже это прозвучало как издевка. Она как будто обращалась к заучке, которая обложилась книгами и дальше них ничего не видела.

— Знаю! — огрызнулась я.

— А хочешь знать, в чем твоя главная проблема? Ты теоретик. Выучить, рассказать у доски, получить пятерочку в зачетку… Даже не думая о том, что все это можно использовать не только для продаж какого-нибудь барахла, но и для вещей куда более важных и приятных. А вот я – практик, мне нравится экспериментировать и в реальной жизни применять знания, а не просто складировать их в коробочку у себя в голове. Хотя надо отдать тебе должное, рекламные слоганы ты выдаешь шикарные. Даже не видя товар, можно проникнуться и… захотеть.

Снова гадкий намек на моего отца.

— По-твоему, это нормальные эксперименты? Слать голожопые фотографии отцу подруги? Нормальное применение знаний? Это подлость! Мерзотная подлость!

— Узнай он с самого начала, что я твоя подруга, – у меня бы ничего не вышло. Он же хороший семьянин, а таких так просто с пути истинного не сбить. Пришлось постараться. Зато к тому моменту, как мы по-настоящему познакомились, я уже прочно поселилась в фантазиях Алекса.

Она говорила это с таким видом, будто гордилась. Будто сделала что-то достойное, победила в каком-то выдающемся конкурсе.

— Ты же сама росла в неполной семье, знаешь, каково это, когда отец где-то с кем-то, а не с матерью. И теперь вот так запросто сунулась к моему?

— Не тебе меня судить! — неожиданно зло огрызнулась она. — Я, может, задолбалась слышать от тебя: папочка то, папочка се. Весь из себя такой хороший, положительный, просто батя года. А уж как маманю твою любит – просто обосраться и не жить. Ты уже в универе всем мозги вынесла своей семейкой! Кичилась этим!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.